

Убедившись, что ему не послышалось, Чжао Ци быстро обвёл взглядом всех присутствующих, пытаясь вычислить, кто проболтался.

«Цзоу Дунъян? Нет, хоть мы с ним сейчас и соперники, но, по сути, на одной стороне.

Вэй Ечэнь? Тоже вряд ли. Этот парень и так немногословен, а в последнее время всё свободное время проводит в библиотеке. Тоже не он.

Остаётся только один вариант... Лао Ма! Жаль, что я не в первом классе и моим классным руководителем не является Ма Тао. Иначе за эти несколько мгновений Чжао Ци уже придумал бы штук семь-восемь способов, как насолить ему на уроках».

Увидев, как изменилось лицо Чжао Ци, учителя в жюри почувствовали лёгкое удовлетворение.

Этот мальчишка был невероятно властным. Ещё до выборов он заявил, что любой, кто выставит свою кандидатуру на пост председателя Студенческого совета, станет его личным врагом.

Типичное злоупотребление положением.

Однако, к удивлению всех, Чжао Ци оказался на удивление психологически устойчив. Даже после того, как учитель разоблачил его истинные мотивы, он, растерявшись лишь на мгновение, быстро взял себя в руки. С выражением, в котором смешались удивление и растерянность, он произнёс:

— Учитель, откуда вы знаете про Фэйфэя? Ха-ха, ну... не буду скрывать, я действительно больше всего хотел помочь именно ему.

Подразумевалось следующее: то, кому я хочу помогать в учёбе, никак не связано с моим желанием стать председателем Студенческого совета. Разве, став председателем, я не могу иметь лучшего друга, который, по совпадению, учится на класс младше?

«Конечно, могу», — мысленно ответил себе Чжао Ци.

Закончив говорить, он, будто смутившись, потёр затылок, изображая простодушного школьника, чей маленький секрет только что раскрыли. Все члены Студенческого совета, которых Чжао Ци, пользуясь своим старшинством, заставлял голосовать за себя, мысленно фыркнули: «Актёришка».

Чжао Ци не признался, и учитель, разумеется, не стал настаивать на этом при всех. Он кивнул, давая понять, что тот может спускаться со сцены. Затем на сцену пригласили второго и

последнего кандидата — Цзоу Дунъяна.

Речь Цзоу Дунъяна, честно говоря, была несколько расплывчатой и уступала речи Чжао Ци. Вероятно, это было связано с тем, что Чжао Ци до поступления в начальную школу воспитывался дедушкой и бабушкой, и вышедшие на пенсию старики, от нечего делать, многому его научили. А родители Дунъяна были очень заняты и уделяли ему мало времени.

Конечно, возможно, родители Дунъяна просто хотели, чтобы у него было счастливое детство, и не хотели так рано нагружать его.

Так или иначе, в этих выборах, где было всего два кандидата и, по сути, не было особого выбора, Чжао Ци в итоге победил Дунъяна с перевесом в два голоса.

Проигравший Дунъян на глазах у всех членов Студенческого совета ещё кое-как держался, сохраняя невозмутимое выражение лица. Но стоило ему оказаться в безлюдном месте, как он, запрокинув голову под углом сорок пять градусов, посмотрел на небо, и слёзы, которые он сдерживал, от яркого солнечного света хлынули ручьём.

Оглядевшись и убедившись, что никого нет, Дунъян громко зарыдал, и слёзы было уже не остановить.

Дунъян чувствовал, что больше не сможет смотреть в глаза Фэйфэю. Теперь он не был сильным, а был жалким неудачником. Разве такой неудачник, как он, имеет право говорить, что будет защищать Фэйфэя и прикрывать его в школе?

Когда Фэйфэй пойдёт в начальную школу «Цысин» и узнает об этом, не станет ли он его презирать? Перестанет ли считать его крутым?

При этой мысли Дунъяна охватила такая тоска, что отчаяние затмило даже стыд от поражения. Запрокинув голову, он зарыдал ещё громче в этом безлюдном уголке.

За кустами зелёных насаждений Ван Имин, одноклассник Дунъяна, толкнул Чжао Ци:

— Смотри, как он ревет. Может, пойдёшь его утетишь?

— Ты уверен, что мне стоит его утешать? — Чжао Ци трезво оценивал ситуацию. — Сейчас, увидев меня, он, скорее всего, впадёт в ярость от стыда и полезет в драку.

— Тогда ты, Вэй Ечэнь, иди, — Ван Имин толкнул стоявшего рядом Вэй Ечэня. — Хоть мы и были соперниками, но всё-таки вышли из одной группы «Гого». Нельзя же позволить Цзоу Дунъяну так убиваться в одиночестве, чтобы никто его не утешил.

Ван Имин выглядел как маленький тигрёнок, был самым крепким из них и говорил иногда довольно грозно. Но на самом деле у этого сильного мальчика было очень мягкое сердце. Видя, как неподалёку рыдает Дунъян, он не мог оставаться равнодушным. В этом он был немного похож на Фэйфэя.

Услышав слова Ван Имина, остальные — Хоуцзы, тот самый мальчик, который лазил по деревьям, и Фань Тянь, которая в день поступления пряталась в кустах в платье принцессы, а также Чжао Ци и Вэй Ечэнь — переглянулись.

— Может, пойдём успокоим? — нерешительно предложил Чжао Ци.

Соперничество соперничеством, но сейчас ему тоже казалось, что оставлять Цзоу Дунъяна плачущим в одиночестве — нехорошо.

Но не успели они выйти из-за кустов, как Дунъян сделал что-то новое.

Всклипывая и с обиженным видом, он достал телефон. Глаза его были затуманены слезами, но это не помешало ему быстро и уверенно набрать номер.

— Кому это он звонит? — с любопытством спросила Фань Тянь, прячась за деревом.

— Не знаю, — ответил Ван Имин.

Вскоре они всё узнали. Как только звонок был принят, Дунъян таким обиженным, робким, подавленным и жалким голосом, что вызывал сочувствие, простонал:

— Фэйфэээээй...

Удивительно, но даже сквозь такое искажение голоса малыш на том конце провода узнал его:

— Это Дунъян? Дунъян, что случилось?

— Фэйфэй, я проиграл, — признаться в своём поражении самому дорогому для него человеку требовало огромного мужества.

Но Дунъян, плача, внезапно осознал: даже если он проиграл, он не мог позволить Фэйфэю узнать об этом от кого-то другого.

Настоящий мужчина должен смело смотреть в лицо своим сокрушительным поражениям.

Малыш на том конце провода удивлённо наклонил голову.

— Дунъян участвовал в соревнованиях? Почему ты мне не сказал? Если бы я знал, я бы пришёл за тебя поболеть.

— Только что, — Дунъян шмыгнул носом, снова вспомнив о своём поражении, и со стоном схватился за лоб. Но, собравшись с духом, он всё же продолжил рассказывать Фэйфэю: — Только что я проиграл выборы на пост председателя Студенческого совета. Я проиграл Чжао Ци. Прости, Фэйфэй, теперь я неудачник.

Услышав, что Дунъян извиняется за свой проигрыш, малыш не придавал этому особого значения. Вместо этого он, загибая пальчики, начал вспоминать свои собственные поражения.

— Фэйфэй тоже много раз проигрывал. Соревновался с Панпаном, кто больше наберёт вес, — проиграл. Играл с братом в прятки в лабиринте, — проиграл. Собирал с дедушкой маленький поезд, а дедушка собрал так хорошо. А у Фэйфэя паровозик почему-то всё время разваливался. Ещё соревновался с папой и дядей в сборе фруктов в саду... — тут у Фэйфэя закончились пальцы, и он удивлённо воскликнул: — Дунъян, оказывается, Фэйфэй тоже много-много раз проигрывал. Значит, Фэйфэй тоже неудачник. А ты проиграл всего один раз, ты такой молодец!

«Мо-молодец? Так вот что Фэйфэй думает обо мне? Он не стал презирать меня из-за одного поражения, а наоборот, утешил меня своим примером. Не зря я так его люблю».

Почувствовав особую заботу и утешение со стороны Фэйфэя, Дунъян вдруг стал немного капризным и с надеждой спросил:

— Тогда, Фэйфэй, когда начнётся учёба, ты всё равно будешь называть меня старшеклассником? Всё равно будешь со мной учиться?

Фэйфэй, конечно же, кивнул:

— Ты — старшеклассник Дунъян, а я — младшеклассник Фэйфэй. Мы будем учиться вместе. Старшеклассник Дунъян будет помогать младшекласснику Фэйфэю в учёбе, потому что старшеклассник Дунъян и младшеклассник Фэйфэй — хорошие друзья, правда?

— Правда, правда, — закивал Дунъян, как болванчик, услышав, как его несколько раз назвали старшеклассником.

В конце разговора Дунъян с тоской попросил:

— В таком случае, Фэйфэй, можешь ли ты в будущем не любить Чжао Ци больше, чем меня, только потому, что он председатель Студенческого совета? И Вэй Ечэня — за то, что он хорошо учится? И Фань Тянь — за то, что она девочка? И Хоуцзы — за то, что он умеет лазить по деревьям? И Ван Имина — за то, что он высокий?

Малыш, вспомнив вчерашнюю фразу из фильма, в котором снимался Линь Сынянь, ответил:

— Дружба — это дело сердца. Деньги, внешность — всё это второстепенно, на это не нужно обращать внимания. Я дружу с твоим сердцем, а не с твоими деньгами, твоим лицом или одеждой, в которую ты сегодня одет.

Дунъян подумал, что слова Фэйфэя невероятно мудры и абсолютно верны. В дружбе, конечно же, главное — сердце, и в этом он, Цзоу Дунъян, никому не уступит! Никому!

Только... повесив трубку, Дунъян почесал затылок. Где-то он уже слышал эту фразу Фэйфэя...

«А, неважно». Настроение Дунъяна сменилось с дождливого на солнечное, и он, глупо улыбаясь, прижимал к себе телефон.

За кустами Хоуцзы, мальчик по прозвищу «Обезьяна», спросил:

— Нам всё ещё нужно его утешать?

Они стояли совсем близко к Дунъяну, и только зелень скрывала их от его взгляда. Они прекрасно слышали весь разговор с Фэйфэем, особенно последнюю фразу.

Сказать такое, чтобы одним махом обидеть всех присутствующих, — на это Дунъян был способен.

Фань Тянь, только что посмотревшая дворцовую драму, холодно усмехнулась и, щёлкнув своими коротко остриженными ноготками, произнесла:

— Осмелился строить козни за спиной Её Величества? Жди расплаты. Этот должок я запомнила.

— Погоди, — перебил её Ван Имин, — только что ты была «Её Величеством», а теперь вдруг стала «я»?

— Хватит болтать попусту. Что будем делать? — спросил Чжао Ци, глядя на Дунъяна с его самодовольной ухмылкой, которая казалась особенно раздражающей.

Хотя он и был победителем, никакой радости от победы он сейчас не испытывал. Ему хотелось только одного — навалить Дунъяну.

Вэй Ечэнь, человек дела, а не слова, первым вышел из-за кустов:

— Что тут думать, надо проучить. Один на один.

— Как это, один на один? — уточнил Чжао Ци.

— Конечно же, мы все вместе против одного Цзоу Дунъяна, — сказал Хоуцзы и, ловко выпрыгнув, обогнал Вэй Ечэня.

Не успел Дунъян опомниться, как Хоуцзы уже повалил его на спину.

Пять минут спустя пятеро ребят, каждый одной рукой, крепко держали Дунъяна на траве и по очереди шлёпали его по заднице.

— Будешь ещё сплетничать? — спросил Чжао Ци.

Шлёп.

— Нельзя меня любить чуточку больше? — передразнила Фань Тянь.

Шлёп-шлёп.

— Я просто умею лазить по деревьям, и что? Когда я вырасту, я буду лазить по деревьям вместе с Фэйфэем, — возмутился Хоуцзы.

Шлёп-шлёп-шлёп.

— Зря я только хотел тебя утешить, ты этого не стоишь! — воскликнул Ван Имин.

Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп.

— Признаёшь свою ошибку? — спросил Вэй Ечэнь.

Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп-шлёп.

— Не признаю! Не признаю! Герои, пощадите! — визжал Дунъян.

— Раз ты признал свою ошибку... — Ван Имин остановился.

— Он сказал «не признаю»! Продолжаем! — скомандовал Чжао Ци.

В тот день, вернувшись домой, Дунъян ужинал стоя. Но он ничуть не расстроился, а наоборот, с аппетитом уплетал еду. Умял целых две миски риса.

«Хе-хе, Фэйфэй сказал, что я молодец. Я счастлив. А когда счастлив, то и задница совсем не болит».

<http://bllate.org/book/13654/1601893>